

ФИЛОСОФИЯ

УДК 165.7.12

DOI: 10.21779/2500-1930-2022-37-3-67–73

В.Х. Акаев

Истина в философии и науке: взаимосвязь общего и особенного

Комплексный НИИ им. Х.И. Ибрагимова РАН; Россия, 364051, г. Грозный, Старопромысловское шоссе, 21а

Дагестанский государственный университет; Россия, 367000, г. Махачкала; ул. М. Гаджиева, 43а; akaiev@mail.ru

В предлагаемой публикации рассматривается понимание истины в философии и науке, выявляются их особенности, существенные различия, взаимосвязь, общие позиции, сопряженные с применением этих форм знаний в практической деятельности человека, а также в формировании его мировоззрения. Характеризуются существенно различающиеся философские концепции истины, что связано с теоретическим и практическим решением субъектом задач познавательного процесса. Устанавливается различие между всеобщим философским пониманием истины и научным ее пониманием, дающим более точные, конкретные знания, используемые в практической деятельности субъекта познания.

Ключевые слова: *истина, интерпретации истины, абсолютная и относительная истина, научная истина, критерий истины, практика, особенное и общее в понимании истины.*

В диалоге «Кратил» древнегреческого философа Платона истина как вечная проблема впервые вербализуется в философии. Она им определяется как соответствие или несоответствие знаний вещам. Сократ в этом диалоге перед своим собеседником Гермогеном ставит вопрос: «тот, кто говорит о вещах в соответствии с тем, каковы они есть, говорит истину, тот же, кто говорит о них иначе, тот лжет?» и добивается от него положительного ответа [1, с. 267]. Таким образом, соответствие знаний вещам признается истиной, а несоответствие считается ложью. В дальнейшем это определение развито Аристотелем и получило название классической, или корреспондентской теории истины. Она ориентирует на адекватное выражение присущих объекту свойств, отражая его статическое состояние. Для Аристотеля философия – это знание об истине, поскольку истина есть цель любого умозрительного знания. Истинное знание для него есть знание «первых причин всего, что существует». «Постижение первопричин сущего и раскрывает, по Аристотелю, область истины как сферу исследования философии» [2].

Наряду с классическим пониманием истины в философии сформировалась и иная концепция, стремящаяся выразить в логике понятий изменчивость, динамику объекта. Такая познавательная задача решается средствами диалектики, рассматривающей объект в движении, как переход от единичного к особенному и общему, в ходе которого он содержательно конкретизируется. В получаемых знаниях адекватно отражаются не только внешние стороны объекта, но и необходимые, существенные свойства, его подвижные грани, формируя целостный образ. В диалектике истина рассматривается как процесс, связанный с переходом от неполных знаний к полным, относительных знаний к абсолютным. Абсолютная же истина – это полное, исчерпывающее знание об

объекте, что в реальности недостижимо, но такая истина – это гносеологический идеал, к которому познание все более приближается, никогда не достигая. От такой истины отличается и так называемая вечная истина, или истина факта, как неопровержимое знание об отдельном свойстве изучаемого объекта (например, *А.С. Пушкин родился 6 июня 1799 года*).

Истину следует рассматривать как единство объективных и субъективных знаний, фиксирующих устойчивые и изменчивые свойства объекта. В то же самое время она предполагает и конкретизацию, и углубление, что сопряжено с развитием науки и техники, практики и теории, дающим новое приращение знаний об изучаемом объекте. Момент относительности в истине означает, что старые знания либо полностью отрицаются, либо сохраняются, имея значение для ограниченной области, когда они не применимы к реалиям, подчиняющимся принципиально новым природным закономерностям. А для их выражения требуются новые знания. Следует отметить и то, что любое объективное знание, полученное в ходе изучения объекта, ему как бы соответствует, но в то же самое время оно ему и не соответствует [3, с. 292]. Соответствие означает, что в знаниях выражаются те свойства объекта, на основе которых можно его идеально воспроизвести. Идеальный же образ никак не является самим объектом, понятно, что прообраз и образ по природе не могут быть тождественными. На основе идеального образа можно создать модель объекта, его копию, используя какие-то материалы, например, глину, пластмассу и пр. Модель как копия никак не тождественна объекту, но она необходима для познания, выявления, изучения реальных процессов, законов его существования.

В познавательном процессе, при исследовании сложных, динамических, неустойчивых объектов природы и общества используется более гибкая система знаний, которую дает нам диалектическая логика [4, с. 134].

Известно, что учение Демокрита (460–370 гг. до н. э.) о неделимости атома длительное время доминировало в философии и науке как неопровержимое знание, объясняющее строение вещества. Но этот подход оказался односторонним, механистически отражающим физическую природу. Это учение оказалось относительным, неполным знанием, заблуждением, поверхностно выражающим наши представления о структуре вещества. По истечении двух с половиной тысяч лет физики экспериментальным путем обнаружили сложную структуру атома, состоящую из ядра и электронов, а ядро в свою очередь состоит из протонов и нейтронов. Оказалось, что вся масса атома принадлежит положительному заряду, протону, а само ядро настолько мало, что если увеличить его радиус до 1 см, то радиус атома достигнет сотни метров. Природа атома – не столько плотное вещество, сколько более 99 % энергетических связей между физическими частицами и менее 1 % – физические формы. Тем самым обнаружены новые знания о структуре атома, элементарных частиц, горизонт наших знаний о структуре «первокирпичика вещества» расширился. Они опровергли учение Демокрита о неделимости атома, значительно углубив и расширив предыдущее знание о материальном мире.

Еще пример из истории математики как абстрактной науки, многие положения которой сложно непосредственно доказать на практике. Однако они часто устанавливаются как интуитивными, так и формально-логическими средствами. Геометрия Евклида (325–265 гг. до н. э.) сформировалась на основе аксиоматико-дедуктивного метода, позволившего построить принципиально новое математическое знание как итог развития всей предшествующей математики. Эта геометрия основана на пяти постулатах, сформулированных интуитивным способом, воспринимаемых как очевидные, не подлежащие сомнению положения. Формулировки этих постулатов-аксиом: 1. От всякой

точки можно провести прямую. 2. Ограниченную прямую можно непрерывно продолжить по прямой. 3. Из всякого центра и всяким раствором может быть описан круг. 4. Все прямые углы равны между собой. 5. Если прямая, пересекающая две прямые, образует внутренние односторонние углы, меньшие двух прямых, то продолженные неограниченно эти две прямые встретятся с той стороны, где углы меньше двух прямых [5, с. 109–110]. По мнению И. Канта, эти простые истины геометрии нами усматриваются интуитивно, а потому к ним можем иметь полное доверие [6, с. 183].

На основе этих очевидных аксиом-постулатов выводится вся система следствий и теорем планиметрии Евклида. Только пятый постулат Евклида, связанный с параллельными прямыми, в течение многих веков вызывал сомнение у ученых, ставящих задачу доказать его как теорему. Н.И. Лобачевским был сформулирован тезис о том, что через прямую и точку, лежащую вне прямой можно провести по крайней мере две прямые, параллельные данной прямой. В этой новой геометрии, созданной русским математиком, названной гиперболической, обнаруживаются иные свойства геометрических фигур, отличные от евклидовой геометрии. Прямой отрезок в этой геометрии имеет форму вогнутого отрезка, сумма внутренних углов треугольника в ней меньше 180° и др. Как отмечает А. Пуанкаре, «...теоремы Лобачевского не имеют никакого отношения к теоремам Евклида, но они не менее логичны, чем последние» [7, с. 46–47]. Историческое и научное значение геометрии Лобачевского состоит в том, что появилась возможность построения новой геометрии, отличной от евклидовой, знаменуя тем самым новую эпоху в развитии математики и науки в целом.

Вслед за гиперболической геометрией возникли и другие неевклидовы геометрии, например геометрия Римана, которая также логически доказывает истинность своих положений. В настоящее время многие математические науки строятся по аналогии со схемой Н.И. Лобачевского. В основании здания науки располагается определенная система аксиом, которые принимаются без доказательств, но они являются абстракциями, отвлечениями от несущественных свойств изучаемого объекта. Все предложения науки строятся строго логически, не обращаясь к интуиции и наглядности.

Конечно же, важно отметить, что «новые геометрии появились вовсе не в результате обобщения каких-то новых эмпирических данных, а в силу внутренней логики развития геометрии» [8, с. 490]. Эти геометрические теории длительное время существовали как абстрактные построения, пока не была создана и проверена общая теория относительности А. Эйнштейна. Эйнштейн, как отмечает Р. Карнап, использовал неевклидовы геометрии в своей общей теории относительности, а потому они перестали быть объектом чистой математики, войдя в область физики, стали использоваться для описания действительного мира [5, с. 183].

Истинность идей Лобачевского подтвердилась тем, что они проникли в механику, космологию, использовались при изучении геометрии всего пространства мира. Для изучения движений, близких к скорости света, потребовалась новая механика, необходимость которой в неевклидовом пространстве была предугадана Н.И. Лобачевским. Поэтому современные теории механики мирового пространства строятся по идеям этой геометрии. Он считал, что познание основано на воздействии явлений природы на органы чувств, а геометрические понятия также являются следствиями этого воздействия, а как таковые врожденные понятия не существуют. Исходные понятия в математике, по мнению Лобачевского, устанавливаются на основе их научной истинности, т. е. посредством соответствия материальной действительности. С.Н. Яновская, определяя специфику истины в математике, писала, что «как и все науки, математика отражает реальную (и материальную) действительность. Как и для всех наук, для нее существенно по-

этому понятие истинности в смысле соответствия с этой действительностью, проверяемого в конечном счете только с помощью критерия практики» [9, с. 272]. Сама математическая теория считается истинной, если она обладает такими свойствами, что ее аксиомы должны быть непротиворечивыми и на их основе правильно должны выводиться теоремы при правильном применении законов логики [10, с. 121].

Приведенные примеры позволяют установить, что в ходе развития науки, опирающейся на достижения практики, эксперименты, старые знания, научные теории не отбрасываются они востребованы для описания событий в ограниченных рамках, но при этом не могут адекватно описать ранее неизвестные явления и закономерности их бытования. Эта ситуация соответствует диалектике абсолютного и относительного моментов истины, фиксируемых в философии. Как известно, догматизм в познавательном процессе преувеличивает значение устойчивого момента, когда релятивизм – момент изменчивости. В XX веке понятие истины постепенно вытесняется из философии науки, в логическом позитивизме оно заменяется понятием верифицируемости, т. е. соответствия чувственному данному [11, с. 17].

В отличие от философии истина в науке имеет свою специфику в силу того, что она конкретна в рассудочном плане, всегда доказывается через опыт, эксперимент, формально-логическими средствами. Каждый по указанной методике, схеме может повторить научный результат, являющийся истиной. Критерий практики является общим как для философии, так и для конкретной науки. Но в каждой науке этот критерий имеет свои локальные особенности, определяемые тем или иным предметом. Истина в физике – это знания, полученные в ходе поставленного физического эксперимента, осуществленных последовательных логических процедур анализа и синтеза данных, их обобщения. В такой абстрактной науке, как математика, истина находится логическими средствами доказательства, в которых либо индуктивно, либо дедуктивно выводится одно положение из другого.

М.И. Билалов выделяет три философские концепции истины: реалистическая (корреспондентская), конструктивистская и символическая [12, с. 30]. Корреспондентская концепция истины в публикации охарактеризована достаточно подробно, менее – последние две. Конструктивистское понимание истины основано на взаимном согласовании мнений ученых, анализирующих фундаментальные научные проблемы. В определенной мере к ней относится и прагматическая интерпретация истины. Представители прагматизма считают, что наши убеждения влияют на наши действия, направляя их, указывая способы, ведущие к достижению намеченной цели. Если такое влияние окажется эффективным, то цель будет достигнута. В этом случае наши убеждения и знания являются истинными. Если же наша идея помогает достигнуть полезных результатов, на практике, то она истинна.

Конвенциональная концепция истины представлена А. Пуанкаре, Р. Карнапом, К. Поппером, которые считают знания истинными, если их логические основания являются результатом конвенций, соглашений. В основе этой концепции лежит принцип когерентности, означающий сводимость совокупности знаний к определенным логическим установкам или к данным опыта, эксперимента, устраняющий противоречия в знаниях. Принцип когерентности применяется и в классической концепции истины, предполагающей преодоление противоречий, осуществляя последовательный логический, системный анализ. Такая интерпретация истины является методологическим инструментом, необходимым для получения адекватных результатов в ходе познавательной деятельности.

Гегель рассматривал абстрактную и конкретную истины. Так, он пишет: «Если истина абстрактна, то она – не истина. Здравый человеческий разум стремится к конкретному; лишь рассудочная рефлексия есть абстрактная *теория*, она не истина – она правильна лишь в голове – и, между прочим, также и не практична; философия же наиболее враждебна абстрактному и ведет нас обратно к конкретному» [13, с. 88]. Философия ведет к конкретным знаниям, т. е. к целостному пониманию объекта, преодолевая абстрактное, достигая особенного, а затем в конечном итоге добиваясь всеобщего, как всеобщего-конкретного.

В естественных науках истина доказывается на основе практики, эксперимента, разных теорий, описывающих проявления анализируемого объекта. Источником истины в естественных науках являются опыт и выдвигаемые гипотезы, проверяемые через эксперимент, получающие научное подтверждение. В социально-гуманитарных науках истина имеет свои особенности. Объекты социальных и гуманитарных наук являются неустойчивыми, факты в них такие, что они меняют реальность. Поэтому часто социальные концепции во многих своих аспектах несовместимы друг с другом и говорить об их истинности или ложности не приходится. Но при этом нельзя отрицать то, что они в определенной мере полезны в практической деятельности, ибо расширяют поле видения социальной реальности, позволяя прийти к успеху, тем самым подтверждая полезность этих знаний. Но нередки случаи, когда следование этим концепциям приводит к социальным неудачам, потрясениям, что означает их ошибочность, а потому возникает необходимость в новых знаниях, позволяющих учесть допущенные ошибки, выстраивая новые социальные отношения, адекватные социальной реальности.

Истина в гуманитарном познании имеет совершенно иную специфику, ибо в этой сфере она лишается многих своих характеристик, которыми её наделяет концепция корреспонденции. Говорить об объективности, адекватности истины в гуманитарном познании не приходится, скорее она здесь субъективна, личностна. В этой сфере рассматривается не истина в ее гносеологическом понимании, а нравственно-этическая категория *правда*. О.Д. Маслбоева, анализируя человеческую правду в творчестве Ф.М. Достоевского, отмечает: «Именно правда жизни как высшая ценность, понимаемая и реализуемая всем миром, связывает воедино повседневную жизнь народа, его спонтанное, эволюционно формируемое мировосприятие с рефлексивным осмыслением отечественной идентичности деятелями русской культуры» [14, с. 23].

Как отмечает А.Л. Никифоров, «в области естественнонаучных истин понятие правды почти не употребляется: эти истины не имеют нравственной окраски. С гносеологической точки зрения понятие правды в области философии естествознания излишне. Однако оно может оказаться полезным для методологии общественных наук. Прогнозы и концепции социологов, повествования историков о прошлых событиях мы склонны называть, скорее, правдивыми, нежели истинными. Часто здесь речь не идет об истине – в смысле адекватного отражения, представления реальности; более того, теоретическое построение социолога или рассказ историка могут даже расходиться с какими-то известными фактами, но, тем не менее, оцениваться как правдивые» [15].

Как утверждает И.Т. Касавин, истина неприменная принадлежность философского дискурса, истина в науке и философии принципиально различны. Философ не открывает в отличие от ученого ничего нового в природе или обществе, он проясняет известное и создает конструкции из наличного материала [16, с. 222]. Эта мысль коррелируется с ранними высказываниями Л. Витгенштейна: «Цель философии – логическое прояснение мыслей... Философия не сводится к “философским суждениям”, но служит

прояснению суждений... Без философии наши мысли туманны и неотчетливы; ее задача – прояснить мысли и придать им четкие границы» [17, с. 60].

С точки зрения М.И. Билалова, истина осмысливается в контексте познавательных культур различных народов, при этом рассматривается их существенное влияние на нее и, наоборот, воздействие истины на разные культуры. По его мнению, «именно культура – система символов и ценностей, образует то реальное бытие, на основе которого возможна адекватная картина политического, экономического, культурного, образовательного и т. п. устройства социума» [18, с. 88].

Интересен взгляд на истину в постмодернистской философии. Ее сторонники полагают, что нет одной истины, нет и целостного ее понимания, но при этом с охотой заявляют о плюрализме мнений, пытаются лишиться истины ее гносеологического статуса, выявляя и абсолютизируя при этом различные аспекты: онтологический, логический, семантический, религиозный, этический и т. д. Этим ставится задача обоснования существования множества истин, подобно тому, как существует множество субъективных мнений, которые, как бы их ни суммировали, не дают общей истины. Высказывается и иная точка зрения, согласно которой истина – излишнее понятие как в философии, так и в науке, а потому предлагается ее элиминация из философского и научного дискурса.

Такая ситуация есть показатель того, что научно-теоретические наработки, рассматривающие философскую и научную интерпретации истины, их соотношение не могут быть просто отброшены. Наоборот, очевидна необходимость фундаментальной теоретико-методологической проработки как различных аспектов проблемы истины, так и основательного системного ее изучения, формулировки обобщающих выводов с учетом современных глобальных социокультурных, духовных процессов, происходящих в мире.

Литература

1. Платон. Диалоги. – М.: Эксмо, 2015. – 768 с.
2. Косыхин В.Г. Форма, интеллект и телеология в аристотелевском учении об истине // Изв. Саратов. ун-та. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 2.
3. Диалектика процесса познания. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. – 367 с.
4. Акаев В.Х. Аристотель об истине: взаимосвязь философских и логических аспектов // Навстречу XXIII Всемирному философскому конгрессу: философия как исследование и образ жизни. – Казань, 2013. – С. 133–134.
5. История математики с древнейших времен до начала Нового времени. Т. 1 / под ред. А.П. Юшкевича. – М.: Наука, 1970. – 354 с.
6. Карнап Р. Философские основания физики: Введение в философию науки. – 4-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2004. – 360 с.
7. Пуанкаре А. Наука и гипотеза. – 2-е изд. – М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2010. – 240 с.
8. Философия математики и технических наук. – М.: Академ. проект, 2006. – 779 с.
9. Яновская С.А. Содержательная истинность и формально-логическая доказуемость в математике // Практика и познание. – М.: Наука, 1973. – С. 247–272.
10. Акаев В.Х. Специфика проявления истины в математике // Что есть истина?: тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции (г. Махачкала, 6–7 сентября 2013) / под общ. ред. д-ра филос. н., проф. М.И. Билалова. – Махачкала: Изд-во ДГУ, 2013. – С. 119–122.

11. Никифоров А.Л. Проблемы классической теории истины // Истина в науках и философии. – М.: Альфа-М, 2010. – С. 17–40.
12. Билалов М.И. Постижимость истины: уловимость, объяснимость, выразимость. – Махачкала: ГАУ РД «Дагестанское книжное издательство», 2017. – 376 с.
13. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Книга первая. – СПб.: Наука, 1993. – 350 с.
14. Маслбоева О.Д. Правда человеческая и историческая в творчестве Ф.М. Достоевского: 200-летию со дня рождения писателя посвящается // Поиск истины и правда жизни в пространстве современной культуры: сборник научных статей. Вып. 7 / под ред. О.Д. Маслбоевой. – СПб.: Изд-во СПГЭУ, 2021. – С. 14–25.
15. Никифоров А.Л. Истина и правда // http://www.cult-and-art.net/society/131551-a_1_nikiforov_istina_i_pravda
16. Касавин И.Т. Истина как проблема социальной эпистемологии // Истина в науках и философии. – М.: Альфа-М, 2010. – С. 205–223.
17. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – С. 60.
18. Билалов М.И. Философия истины на перекрестке познавательных культур // Что есть истина?: тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции (г. Махачкала, 6–7 сентября 2013) / под общ. ред. д-ра филос. н., проф. М.И. Билалова. – Махачкала: Изд-во ДГУ, 2013. – С. 63–90.

Поступила в редакцию 4 сентября 2022 г.

UDC 165.7.12

DOI: 10.21779/2500-1930-2022-37-3-67–73

Truth in Philosophy and Science: the Relationship of the General and the Special

V.Kh. Akayev

*Complex Research Institute named after H.I. Ibragimov RAS; Russia, 364051, Grozny, Staropromyslovskoye Highway, 21;
Dagestan State University; Russia, 367000, Makhachkala, M. Gadzhiev st., 43a;
akaiev@mail.ru*

The article considers the concepts of truth in philosophy and science, reveals their features, significant differences, interrelation, common positions associated with the use of these forms of knowledge in person's everyday practice as well as in the formation of his worldview. Significantly different philosophical concepts of truth are characterized, which is associated with the theoretical and practical solution of the cognitive tasks by an individual. A distinction is established between the general philosophical understanding of truth and its scientific understanding, which gives more accurate, specific knowledge used in the practical activity of the subject of knowledge.

Keywords: truth, interpretation of truth, absolute and relative truth, scientific truth, criterion of truth, practice, specific and general in understanding truth.

Received 4 September 2022